

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В КАРФАГЕНСКИХ АРМИЯХ

Говорят, что когда Пирр покидал Сицилию, он оглянулся и с горечью сказал своим приближенным: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» (*Plut. Pуг. 23*). Его слова оказались пророческими. Пройдет немного времени, и остров превратится в арену величайших битв. Но, если эпирский царь и смог предугадать главных действующих лиц грядущей исторической драмы, то вряд ли он отдавал себе отчет в том, что постановщиком ее был именно он сам. Война, которую Пирр вел с римлянами, стала для последних великолепной школой, научившей их сражаться со слонами, фессалийской конницей и македонской фалангой. Эти навыки сослужат им прекрасную службу, когда они встретятся на поле боя со слонами, кавалерией и пехотой карфагенян. Возможно, что если бы Пуническим войнам не предшествовал опыт, приобретенный в борьбе с Пирром, они могли бы закончиться для Рима печально¹.

Столкновение с Пирром имело не меньшее значение и для карфагенян. На протяжении столетий они ожесточенно сражались с греками за право обладания Сицилией. Однако никому из противников не удавалось добиться решающего перевеса. Знакомство с эпирской армией произвело в военном деле карфагенян настоящую революцию, не оставившую сицилийским эллинам никакого шанса на победу в затянувшемся противостоянии.

В V–IV вв. армия Карфагена состояла из отрядов разноплеменных наемников (галлов, испанцев, нумидийцев), вооруженных и обученных в соответствии со своими национальными традициями. Ее отличительной чертой было наличие большого количества серпоносных колесниц². Когда Пирр появился на Сицилии, карфагеняне увидели силу, противопоставить которой им было решительно нечего. Их варварская пехота и колесницы были бессильны перед сплоченным натиском македонской фаланги, и обращались в паническое бегство, лишь заслышав рев боевых слонов. Именно отсталость карфагенян в военном деле стала главной причиной того, что Пирру удалось так стремительно завоевать весь остров.

После ухода армии эпирского царя карфагеняне сразу же отказались от использования колесниц и заменили их боевыми слонами. Этот новый род войск принес в дальнейшем большую пользу Карфагену и позволил ему неоднократно и с успехом противостоять армиям римлян. Пирр вложил в руки карфагенян страшное оружие, используя которое они смогли более 60 лет оспаривать у Рима власть над всем Западным Средиземноморьем.

¹ *Armandi P.D. Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. P., 1843. P. 129–130.*

² *Ibid. P. 136.*

Карфагеняне всегда придавали особое значение боевым слонам. В самом Карфагене с внутренней стороны крепостных стен были обустроены стойла, приспособленные для содержания 300 четвероногих гигантов. Несомненно, где-то поблизости находились и загонны для их дрессировки³. Карфагеняне использовали только африканских слонов, в большом числе водившихся в лесах Нумидии (*Front. Strat. IV.7.18*)⁴. Некоторые исследователи полагают, что североафриканские слоны были слишком маленького размера для того, чтобы на них могли устанавливаться башни (рис. 1)⁵. К подобному заключению приходит Дж. Тойнби⁶, а также М.Б. Чарльз, который опирается на данные Полибия, Ливия и Аппиана⁷.

Впрочем, вряд ли существуют достаточно веские основания для подобной гипотезы. Африканские слоны, которых использовали карфагеняне, египтяне и нумидийцы, были в действительности не настолько малы, чтобы не поднять башню с двумя или даже тремя легковооруженными солдатами. В качестве примера отметим, что некоторые народы древности использовали в военных целях верблюдов, которые без особых усилий могли нести на себе двух воинов. Естественно предположить, что такое крупное животное, как слон, могло сохранять во время сражения достаточную подвижность, неся на себе трех и даже более человек. Здесь нужно отметить, что *ливийский слон*, которого древние использовали в военных целях, – это *Loxodonta Africana cyclotis* – африканский лесной слон, некогда весьма широко распространенный в Северной Африке (*Hdt. IV.191; Arist. Cael. II.4.298a; Strabo XVII.3.8*) и исчезнувший в этом регионе во времена римского господства. Самцы данной группы достигают в среднем высоты 7–8 футов (около 2–2,5 м), что значительно меньше роста индийских слонов⁸. В наше время этот подвид обитает только в экваториальной части африканского континента⁹.

Башни¹⁰, которые устанавливали на спинах слонов, делались из дерева, и поэтому их вес не мог превышать нескольких десятков килограммов. Подобное сооружение, укрепленное на спине животного с помощью ремней, веревок или цепей, не должно было мешать его движениям и позволяло ему сохранять подвижность, необходимую во время боевых действий.

³ Armandi P.D. Op. cit. P. 136.

⁴ «*quibus ferax est Numidia*». Впрочем, существует мнение, что Ганнибал мог получать из Египта и более крупных индийских слонов (*Bagnall N. The Punic Wars: 264–146 BC. Oxf., 2002. P. 20*).

⁵ *Ouiza Air Amara. Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. P. 27.*

⁶ *Toynbee J.M.C. Animals in Roman Life and Art. L., 1973. P. 34.*

⁷ *Charles M.B. Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5.84–5 // CQ. 2007. Vol. 57. P. 308.*

⁸ *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 164; Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 186.*

⁹ *Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary, Ecology, Behavior and Conservation. Oxf., 2003. P. 54.*

¹⁰ Скорее даже только их каркас. См.: *Armandi P.D. Op. cit. P. 259–272.*

Мнение ученых, полагающих, что на африканских слонах не устанавливали башен, опирается, прежде всего, на тот факт, что наши литературные источники якобы не приводят подобных примеров. В действительности это не так. О башнях на карфагенских слонах говорит поэт Силий Италик:

На иссиня-черной спине возвышается башня,
Грозная и огнем, и мужами, и дротиками.
(*Sil. Ital. Punic. IX.577–578*)¹¹.

Его слова подтверждает Лукреций:

Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучили ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.
(*Lucret. De rer. nat. V.1302–1304*; пер. Ф.А. Петровского)¹².

Возможно, конечно, что это всего лишь отражение укоренившегося представления о боевых слонах. Однако в наших источниках есть вполне определенные указания на то, что нумидийцы устанавливали башни на спинах своих слонов. Согласно утверждению автора «Записок об Африканской войне», нумидийский царь Юба, боровшийся вместе с помпеянами против Цезаря, привел своим союзникам слонов, которые несли на себе башни (*Ps.-Caes. Bell. Afr. 30*). Несомненно, что научиться вооружать слонов подобным образом нумидийцы могли только от карфагенян.

После поражения помпеянцев большое количество слонов Юбы попало в руки победителей. Позднее эти животные были использованы Цезарем во время цирковых зрелищ, которые он устроил для народа. Согласно утверждению Плиния, во время одного из этих боев Цезарь вывел на арену 20 слонов, на которых находилось 60 бойцов, следовательно, по три человека в башне (*Plin. NH. VIII.7*)¹³. Определенно, это были африканские слоны, захваченные в битве при Тапсе, поскольку вряд ли в Риме, после крушения державы Селевкидов могли тогда видеть индийских слонов.

Есть еще одно указание в тексте источника, позволяющее утверждать, что башни на африканских слонах были вполне обычным делом. Согласно описанию Полибия, в сражении при Рафии (217 г. до н.э.) в египетской армии было 73 слона африканской породы, которые несли на себе башни (*Polyb. V.84*). Существует мнение, что в действительности историк говорит не об африканских, а об индийских слонах: во время войны Птолемея III Эвергета (246–222 г. до н.э.) против Селевка Каллиника

¹¹ *«Liventi dorso turris, flammaque, virisque,
Et jaculis armata sedet...».*

¹² *«Inde boves Lucas turrato corpore tetros
Anguimanos belli docuerunt volnera Poeni
Sufferre, et magnas Marlis turbare catervas».*

¹³ *«Iterumque totidem turrato cum sexagenis propugnatoribus, eodem quo priores numero peditum, et pari equitum ex adverso dimicante».*

множество этих животных было захвачено египетскими войсками¹⁴. Тем не менее, результат сражения при Рафии наглядно демонстрирует, что слоны египтян были намного слабее слонов их противников: 16 египетских слонов были убиты, а почти все остальные животные – захвачены сирийцами; последние потеряли всего 5 слонов, из которых 3 пали не поле сражения, а 2 умерли позднее от полученных ран (*Polyb.* V.86).

К этим литературным свидетельствам мы можем прибавить также и археологические данные. В нашем распоряжении имеются, по крайней мере, две терракотовые статуэтки II в. до н.э., подтверждающие возможность установки башен на спинах африканских слонов. Одна из этих статуэток представляет слона, который несет на своей спине башню в форме клетки, другая – слона, несущего башню «классической» формы (рис. 2, 3). Выпуклый лоб и широкие большие уши вполне определенно указывают, что обе эти статуэтки изображают слонов африканской породы.

Карфагеняне не только устанавливали башни на своих слонах, они использовали и другие способы, чтобы сделать этих животных как можно более грозными для врагов. Согласно описанию Силия Италика, к бивням слонам они прикрепляли копыя или же насаживали металлические острия¹⁵. У нас нет прямых указаний на то, что карфагеняне облачали своих слонов в броню, однако тот факт, что в I в. до н.э. к подобному средству защиты прибегали нумидийцы (*Ps.-Caes. Bell. Afr.* 72) с большой долей вероятности позволяет утверждать, что научились они этому от карфагенян.

Число слонов, принимавших участие в сражениях на стороне карфагенских армий, было первоначально очень велико. В начале Первой Пунической войны Ганнон высадился на Сицилии с армией, в составе которой было 60 слонов (*Diod.* XXIII. Excerpt. 8). В столкновении с римлянами он потерял 44 слона, но карфагеняне очень быстро восполнили понесенный урон, и спустя всего несколько лет смогли противопоставить легионам Регула 100 слонов. Одержав победу при Тунете, карфагеняне отправили на Сицилию новую армию, в которой этих животных было уже 140 (*Polyb.* I.38.3).

Когда число слонов было достаточно большим (около 100 голов), карфагеняне предпочитали использовать их в качестве живого тарана против тяжеловооруженной пехоты противника; если же слонов было не более трех-четырех десятков, то во время сражения их обычно держали в резерве. Наиболее ярким примером использования слонов для прорыва строя тяжеловооруженной пехоты является произошедшая в 256 г. бит-

¹⁴ Gowers W. African elephants and ancient authors // African Affairs. 1948. Vol. 47. P. 174.

¹⁵ «*Stat niveis longum stipata per agmina vallum
Dentibus, atque ebori praefixa cominus hasta
Fulget ab incurvo devecta cacumine cuspis*».

(«Стоит стеной нескончаемая вереница, оцетинившаяся белоснежными Клыками, а копыя прикреплены прямо к бивням, Над загнутыми вершинами которых возвышаясь сверкают наконечники»).

(*Sil. Ital. Punic.* IX.581–583).

ва при Тунете (*Tunes* или *Tunetum*), городе, находившемся на небольшом расстоянии к юго-востоку от Карфагена. Спартанец Ксантипп, командовавший пунийской армией, имел в своем распоряжении 12 000 человек пехоты, 4 000 всадников и приблизительно 100 слонов. Он поставил слонов в одну линию, а за ними на достаточно большом расстоянии развернул фалангу. Это была необходимая предосторожность, позволявшая снизить до минимума опасность того, что обращенные вспять животные приведут в замешательство собственные войска. Наемников карфагенский полководец поместил справа от фаланги, а конницу и легковооруженных – на флангах, поставив их несколько впереди линии фронта пехоты (*Polyb.* I.33.6–7).

Римская армия под командованием консула Марка Аттилия Регула насчитывала, согласно одним данным, 15 000 человек пехоты и 500 всадников, согласно другим – 30 000 воинов. Полибий говорит, что консул, опасаясь атаки слонов, поставил впереди легкую пехоту, а позади нее плотными рядами манипулы тяжеловооруженных. Конница была размещена на обоих флангах.

Атаку начали карфагеняне. Римская конница на обоих флангах обратилась в бегство. «Что касается пехоты, то левый фланг ее частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря» (*Polyb.* I.34)¹⁶.

Слоны сразу же опрокинули передние ряды римлян, состоявшие из велитов и яростно обрушились на тяжеловооруженных. Однако благодаря плотности построения они не смогли прорвать римский боевой порядок. Передним рядам легионеров удалось пробиться между животными, но когда они оказались уже за их спинами, то увидели перед собой стройные ряды карфагенской фаланги, еще не вступившей в сражение. В то же самое время пунийская конница атаковала оставшихся без прикрытия легионеров с флангов. Не в силах сопротивляться врагу, надававшему на них с трех сторон, римляне обратились в бегство. Поскольку сражение происходило на открытой равнине, то почти все они были перебиты кавалерией пунийцев или раздавлены слонами. Спасти удалось только консулу с отрядом в 500 солдат, но и их, спустя некоторое время, захватили в плен карфагеняне. Из всей римской армии осталось в живых только 2 000 человек, которые в начале сражения обратили в бегство наемников. Карфагеняне потеряли около 800 человек из числа наемников, подвергшихся нападению левого крыла пехоты противника (*Polyb.* I.34) (рис. 4).

Удалось ли слонам в этой битве прорвать густой строй римской легионной пехоты? Полибий говорит, что слоны опрокинули только передние ряды строя, и римляне продолжали сопротивляться этим колоссам до тех пор, пока не столкнулись с карфагенской фалангой, а нумидийская конница не обрушилась на них с флангов. Впрочем, ниже историк утверждает как раз обратное и заявляет, что слоны разорвали римскую боевую линию, растоптав при этом большое количество воинов (*Polyb.*

¹⁶ Здесь и далее перевод Ф.Г. Мищенко.

I.39.11). Ф. Уолбанк полагает, что под первыми рядами нужно понимать велитов, отряженных сражаться с гигантскими животными и именно они были обращены в бегство¹⁷. Как бы там ни было, битва при Тунете произвела сильнейшее впечатление на римлян, поскольку еще в течение двух лет они ни разу не отважились вступить в бой с карфагенской армией, в составе которой были слоны (*Polyb.* I.39.13). Только победа, одержанная над слонами под Панормом, вновь вдохнула в римлян уверенность в своих силах. Согласно утверждению Полибия, когда в Рим пришла весть о происшедшем сражении, то среди жителей началось ликование «не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан» (*Polyb.* I.41.1).

Тем не менее, Карфаген достаточно быстро обзавелся новыми слонами и, когда в Африке вспыхнуло восстание наемников (241–238 гг. до н.э.), карфагеняне смогли бросить на его подавление целую сотню ужасных четвероногих, которые оказали им неоценимую услугу. Истощенное карфагенское государство не имело средств ни на то, чтобы расплатиться со своими наемными солдатами, ни на то, чтобы собрать новую армию. Поэтому слоны и гений Гамилькара Барки стали едва ли не единственной надеждой пунийцев (*Polyb.* I.76; 78.11, 12; 84–85).

После подавления восстания наемников карфагеняне предприняли масштабное завоевание испанских территорий. Определенно, успеху этого предприятия во многом способствовало неизменное присутствие в карфагенских армиях слонов. Согласно Диодору, Гасдрубал, возглавивший после гибели Гамилькара карфагенские военные силы в Испании, имел в своем распоряжении 50 000 пехоты 6 000 всадников и 200 боевых слонов (*Diod.* XXV. 12). Эти животные оказались очень полезными для Ганнибала, когда он, уже в ранге командующего армией, встретился у реки Таг со стотысячным войском карпетанов (*Liv.* XXI.V.9–10; *Polyb.* III.14.6).

Вторая Пуническая война отмечена большим количеством сражений, в которых приняли участие слоны¹⁸. Отправляясь в поход против Италии, Ганнибал оставил для защиты карфагенских владений в Испании своего брата Гасдрубала, под командованием которого находились крупные воинские силы: пехоты – 11 850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров; кавалерии – 450 ливиифиникиян, 300 илергетов и 800 нумидийцев и, кроме того, 21 слон (*Liv.* XXI.22.1–3). С собой Ганнибал повел армию, в составе которой было 37 гигантских животных. Им предстояло совершить трудный переход через негостеприимные земли Галлии, населенные воинственными племенами и неприступные заснеженные Альпы. Во время последнего испытания эти животные очень сильно страдали от холода и отсутствия корма (*Polyb.* III.55.8–9; *Liv.* XXI.37.4). Полибий и Тит

¹⁷ *Walbank F.W.* Op. cit. P. 92.

¹⁸ «Было немного войн, в которых слонов использовали столь же широко, как во Второй Пунической войне. Карфагеняне выводили на поле боя этих страшных животных во время шестнадцати кампаний в Италии, Испании и Африке» (*Armandi P.D.* Op. cit. P. 172).

Ливий сообщает о фантастических потерях, которые понесла армия Ганнибала при переходе через горы. Возникает вопрос, сколько слонов оставалось в живых, когда карфагеняне, наконец, спустились с гор? Евтропий утверждает, что все 37 животных достигли Италии (III.8.2). Полибий сообщает, что в битве при Требии слоны стояли на обоих флангах карфагенского войска, а, если верить Ливию, – не только на флангах, но и в центре (*Polyb.* III.72.10; *Liv.* XXI.53.2). Это свидетельствует о том, что слонов было еще достаточное число и, возможно, всем им, действительно, удалось перейти через Альпы.

Впервые об участии слонов мы узнаем из описания битвы при Требии. Согласно Ливию, легковооруженной пехоте римлян удалось обратить слонов в бегство. Однако Ганнибал предпринял маневр, который способствовал окончательной победе карфагенян. «Заметив, что слоны в исступлении начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из середины и отвести на левый край, чтобы они пришились против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство, и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты» (*Liv.* XXI.56.1; пер. Ф.Ф. Зелинского). Полибий утверждает, что римлянам не удалось отразить атаку слонов на флангах, и огромные животные продолжали теснить их, пока легионеры не оборотили тыл (III.74.1).

Но непривычные климатические условия оказались для четвероногих гигантов страшнее римских копий и дротиков. Почти все они, кроме восьми, пали от дождя, снега и холода (*Liv.* XXI.56.6)¹⁹. Семь слонов погибли при переходе карфагенской армии через Апеннины (*Liv.* XXI.58.11), после чего у Ганнибала остался только один слон, на спине которого карфагенский военачальник переправлялся через болота во время его похода к Аррецию (*Liv.* XXII.2.10). В сражениях при Тразименском озере и Каннах у Ганнибала уже не было более слонов.

После победы, одержанной армией Ганнибала при Каннах, карфагенский сенат принял решение отправить в Италию 40 слонов (*Liv.* XXIII.13.7). Эти животные приняли самое активное участие в боевых действиях во время осады Касилина (*Liv.* XXIII.18.6), в сражении под Нолой (*Liv.* XXIII. 46. 4), при попытке прорыва блокады Капуи (*Liv.* XXVI.5.3; 6.2), в битве под Канусием (*Liv.* XXVII.14).

К концу Второй Пунической войны у Ганнибала, очевидно, уже не оставалось слонов. Силы его армии стремительно таяли. Карфагенское правительство приняло решение попытаться переломить ход военных действий в свою пользу и приказало Гасдрубалу перейти Альпы и идти на соединение с армией Ганнибала. Однако римлянам стало известно об этом замысле и, как только Гасдрубал оказался в Италии, путь ему преградила римская армия под командованием консула Ливия Салинатора, к которому присоединился отряд его коллеги консула Клавдия Нерона. Решительная битва между противниками состоялась у реки Метавр. Согласно Полибию, в армии карфагенян было 10 слонов (XI.1.1). Ливий говорит о 15 животных. Гасдрубал поставил своих слонов в центре впере-

¹⁹ Согласно Полибию, пали все слоны, за исключением одного (III.74.10).

ди фронта армии. Основной удар карфагенский полководец направил против левого крыла римлян, поскольку видел, что из-за неровностей почвы правое крыло неприятеля, которым командовал консул Нерон, не сможет помешать его атаке. Бой шел с чрезвычайным ожесточением, при этом слоны, которые оказались зажатыми и обстреливаемыми с обеих сторон, «производили расстройство в рядах и римлян и иберов» (*Polyb.* XI.1.9). Исход боя был решен искусным маневром, произведенным Нероном: он прошел со своими воинами за строем римской армии, обогнул ее левое крыло и ударил с фланга на карфагенян. Карфагенская армия была уничтожена. Гасдрубал, отважно сражаясь, предпочел смерть позору поражения, а из слонов шесть были убиты на месте, а четыре, прорвавшись через ряды сражавшихся, были позднее пойманы живыми (*Polyb.* XI.1.12). Ливий добавляет интересную подробность, касающуюся участия слонов в этой битве. «Большинство слонов перебили не враги, а сами их вожаки; у каждого из них были долото и молоток; когда слоны приходили в неистовство и начинали кидаться на своих, вожак между ушей, как раз в том месте, где шея соединяется с головой, ставил долото и бил по нему изо всех сил. Это самый быстрый способ умертвить громадного зверя, когда с ним уже нет сладу. Гасдрубал первым ввел его в употребление» (*Liv.* XXVII.49.1–2)²⁰.

В 203 г. до н.э. карфагенское правительство решило вновь отправить армию в Северную Италию. Ее возглавил брат Ганнибала Магон, который высадился в Лигурии, имея под своим командованием армию, состоящую из 12 000 человек пехоты и 2 000 всадников. Неожиданность появления позволила Магону легко захватить Геную, Альбенгу и Савону, а большое количество денег – пополнить свои силы цизальпийскими галлами. Через некоторое время он получил из Карфагена значительное подкрепление в 6 000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов (*Liv.* XXVIII.36; 46; XXIX.4). Навстречу карфагенянам выступили проконсул Корнелий Цетег и претор Квинктилий Вар, которые столкнулись с неприятелем между Аддой и Тезеном. Магон разместил своих слонов во второй линии боевого порядка и приказал пехоте начать атаку. Сражение было упорным, и никто не желал отступить. В это время Квинктилий атаковал противника во главе своей кавалерии. Однако Магон бросил вперед слонов. Лошади римских всадников пришли в ужас, перестали слушаться седоков и поскакали прочь. Атака римской кавалерии захлебнулась (*Liv.* XXX.18). Карфагенская конница бросилась преследовать римскую, слоны развернулись и ворвались в ряды легионов. Поражение римлян было бы неизбежным, если бы гастаты одиннадцатого легиона, не метнули все разом свои пилумы в гигантских четвероногих. Четыре слона были убиты тут же, остальные, получив ранения и страдая от боли, повернули назад и смешали ряды карфагенской армии. Когда римляне подвели находившийся в резерве легион, Магон приказал дать сигнал к отступлению. Но карфагенский вождь получил тяжелое ранение и после того, как его вынесли с поля боя, пунийская армия обратилась в бегство.

²⁰ Перевод М.Е. Сергеенко.

Италия была не единственным театром военных действий, на котором в составе карфагенских армий действовали слоны. В Испании под командованием брата Ганнибала Гасдрубала была сосредоточена армия из 70 тысяч пехоты, 5 000 кавалерии и 36 слонов (*Liv.* XXVIII.12, 13–14; *App. Iber.* 25). Ей противостояла римская армия под командованием Сципиона, насчитывавшая всего 45 тысяч пехотинцев и 3 тысяч всадников. В 206 г. до н.э. между противниками произошло решающее сражение при Кармоне, которое поставило точку в вопросе о том, кому обладать Испанией. Гасдрубал поставил своих слонов на флангах, однако это не принесло ему успеха: «слоны, испуганные беспорядочным сражением всадников, велитов и легкой пехоты, бросились с флангов в середину строя» (*Liv.* XXVIII.15.5). Карфагенская армия потерпела сокрушительное поражение, и Карфаген навсегда лишился своих испанских владений.

Кроме того, карфагеняне попытались возобновить борьбу за Сицилию и высадили на этот остров армию, в составе 5 000 пехотинцев, 3 000 всадников и 12 слонов (*Liv.* XXIV.35.3). Карфагенский корпус был разбит Марцеллом у реки Гимеры в 212 г. до н.э., при этом 8 слонов были захвачены римлянами живыми (*Liv.* XXV.41.7).

Последней битвой, в которой карфагеняне использовали боевых слонов, была битва при Заме. У нас сохранилось два описания этого эпического сражения, сделанные Полибием и Ливием. Дополнительную информацию о нем мы можем почерпнуть у Аппиана. Относительно численности обеих армий и их боевого построения все три источника в основном согласны между собой. Армия Ганнибала насчитывала около 50 000 человек из них 2–3 тыс. всадников и 80 или даже больше слонов. У Сципиона было 23 000 пехотинцев, 1 500 всадников италийцев и римлян, и кроме того на помощь ему подошел царек Декама с 600 всадниками и Масанасса (Масинисса) с 6 000 пехотинцами и 4 000 всадниками (*App. Lib.* 40, 41).

Ганнибал поставил слонов перед фронтом армии, «за ними отвел место наемникам, коих насчитывалось до двенадцати тысяч: это были лигистины, кельты, балеаряне, мавры. За наемниками выстроены были туземцы ливияне и карфагеняне, а последними стояли войска, прибывшие вместе с Ганнибалом из Италии, на расстоянии стадии с лишним от передних рядов» (*Polyb.* XV.11.1). «Сципион построил свои войска в следующем порядке: впереди поставил манипулы гастатов в некотором расстоянии один от другого, за ними принципов, но не против промежутков в передних рядах, как бывает у римлян обыкновенно, а за самыми манипулами, в некотором расстоянии от них, ибо у неприятеля было множество слонов. Последними были поставлены триарии. На левом из флангов Публий поместил Гая Лелия во главе италийской конницы, на правом Масанассу со всеми подвластными ему нумидянами. Промежутки между передними манипулами он заполнил отрядами легковооруженных, которым и отдал приказ начинать битву: если б они не устояли перед натиском слонов, то должны были отступить более быстрые из них в самый тыл войска через промежутки, следовавшие один за другим по прямой линии, другие, замешкавшиеся по вине неприятеля, в

боковые проходы между рядами манипулов» (*Polyb.* XV.9.6; ср.: *Liv.* XXX.32.11; 33.1–3).

На первый взгляд, такая диспозиция обеих армий вполне оправдана и логична: Ганнибал, имевший большое число слонов, рассчитывал повторить маневр Ксантиппа и прорвать римский боевой строй, а Сципион предпринял контрмеры, чтобы избежать участи Регула. Однако не нужно забывать, что, в отличие от Ксантиппа, Ганнибал сильно уступал противнику в коннице. Поэтому без дополнительной поддержки его всадники, стоявшие на флангах, были бы неминуемо обращены в бегство, а пехота подверглась бы двойному фланговому удару неприятельской кавалерии. Г. Дельбрюк задается вполне логичным вопросом: почему Ганнибал, имея так много слонов, не разместил какую-то их часть на флангах своей армии²¹. Ведь нам хорошо известно, что слонов с наибольшим успехом всегда применяли именно против конницы, поэтому карфагенский полководец мог свести подобным образом римское преимущество на нет. Так почему же он не сделал этого? Г. Дельбрюк приходит к выводу, что сообщения наших источников относительно числа слонов у Ганнибала являются явным преувеличением²².

Ход битвы у Полибия и Ливия представлен практически одинаково. Карфагенская конница отступила на обоих флангах; слоны, попали в промежутки, оставленные в римском боевом порядке, и были уничтожены римлянами; карфагенские наемники, повернули против второй линии карфагенского строя и перебили многих карфагенян, наконец, вступили в бой ветераны Ганнибала, но в этот момент «возвратились из погони за конницей Масанасса и Лелий и каким-то чудом вовремя подоспели к делу. Нападение произведено было ими с тыла, благодаря чему большая часть воинов Ганнибала истреблена была на месте, а из бежавших уцелели лишь весьма немногие, потому что в деле участвовала конница, и местность была ровная» (*Polyb.* XV.12–15.1; ср.: *Liv.* XXX.33.12–16; 34; 35.1).

По мнению Г. Дельбрюка, план битвы, задуманный Ганнибалом, был гораздо более виртуозным, чем это представлено у Полибия и следующего ему Ливия. Понимая, что он не сможет противостоять римской кавалерии, карфагенский полководец будто бы отдал приказ всадникам обратиться в начале боя в притворное бегство и тем самым увести за собой конницу неприятеля. Чтобы выиграть время для проведения решающего маневра, Ганнибал подкрепил первую линию своей армии, полностью состоявшую из легковооруженных застрельщиков, тем *небольшим* числом слонов, которое у него имелось. Тяжелая пехота была выстроена в две боевые линии, причем вторую составляли ветераны Ганнибала, которые и должны были нанести главный удар.

Как только неприятельские эскадроны покинули поле боя, карфагенский полководец вывел из боя легковооруженных и двинул вперед флангу карфагенских граждан. После того как она завязала бой с против-

²¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. В.И. Авдиева. СПб., 1994. Т. 1. Античный мир. С. 271.

²² Там же. С. 277.

ником, Ганнибал разделил вторую фалангу на две части, которые стали обходить справа и слева строй сражавшихся карфагенян. «Это то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь»²³. Если бы ветераны Ганнибала смогли нанести фланговый удар по римской пехоте, в то время как с фронта ее теснила фаланга карфагенских граждан, судьба битвы была бы решена. Однако Сципион вовремя заметил и разгадал маневр своего гениального противника. Чтобы парировать его, он также разделил свою вторую линию и противопоставил ее наступающей справа и слева второй линии карфагенян. Сражение затянулось и приняло еще более ожесточенный характер. Неизвестно, на чью сторону склонилась бы фортуна, если бы в этот момент на поле боя вновь не показалась римская кавалерия, которая ударила в тыл карфагенянам²⁴. Это решило судьбу битвы, судьбу войны, судьбу Карфагена и поставило точку в военной карьере величайшего полководца древности. У Дельбрюка получается красивая картина битвы, и даже если она не соответствует действительности, она гораздо лучше соответствует нашему представлению о Ганнибале, чем рассказы Полибия или Ливия.

Несколько моментов, касающихся участия слонов в этом сражении, не могут не привлечь внимания. Прежде всего, удивляет странное поведение гигантских животных в самом начале битвы. Согласно Полибию, звуки рожков и труб, давшие сигнал к началу битвы, испугали нескольких слонов, которые кинулись на свои же войска. Ливий утверждает, что лишь немногих животных удалось погнать на врага, остальные повернули назад (*Liv.* XXX.33.12). Если слонов можно было напугать звуками труб и рожков, то тогда становится непонятным, почему римляне и другие народы, которым приходилось бороться против этих четвероногих, никогда не прибегали к этому простому и эффективному средству. Ответ напрашивается сам собой: в сражении при Заме участвовали животные, непривычные к такого рода звукам. Другими словами, *последние* слоны, на которых возлагали свои *последние* надежды карфагеняне, были плохо обучены и не имели никакого боевого опыта. Эти животные были отловлены не ранее 203 г. до н.э. Согласно сообщению Аппиана, только когда в Карфагене стало известно, что Сципион уже готовится высадиться в Африке, карфагеняне отправили Гасдрубала, сына Гескона на охоту за слонами (*App. Lib.* II.9).

Данное наблюдение представляется нам весьма важным. Выше мы уже говорили, что в Карфагене были сделаны стойла для 300 животных. Однако к концу войны их оставалось только 80, да и те были недавно пойманы. Вероятно, возросшие потребности Карфагена в боевых слонах привели к тому, что слоны исчезли из областей, где обычно происходили их отлов, и карфагеняне испытывали все больше трудностей, пытаясь обеспечить ими свою армию. Если во время Первой Пунической войны пунийцы могли выставить 60, 100 и даже 140 громадных животных, то

²³ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 273.

²⁴ Там же. С. 271–274.

количество их в карфагенских армиях, действовавших в период Второй Пунической войны, не превышало четырех десятков голов. Под конец войны, когда решалась судьба самого Карфагена, пунийцы уже не могли обеспечить свои армии необходимым числом зверей: Гасдрубал должен был вторгнуться в Италию, имея всего 10 или 15 слонов, а его брат Магон получил их от правительства всего 7 голов. Сама природа обрекала Карфаген на поражение.

В соответствии с заключенным мирным договором карфагеняне должны были выплатить победителю огромную контрибуцию, выдать оружие и боевых слонов (*Liv.* XXX.43.11). Когда же во время Третьей Пунической войны Карфаген уже стоял на пороге гибели, пунийцы в отчаянии «звали по именам слонов, как будто те были еще здесь, они поносили и своих предков и самих себя, говоря, что следовало, не передавая ни кораблей, ни слонов, не внося дани, не передавая оружия умереть вместе с родиной, когда она была в полном вооружении» (*App.* Lib. 93; пер. С.П. Кондратьева). Но, что сделано, то сделано...

**А.А. Попов,
А.В. Bannikov**

WAR ELEPHANTS IN CARTHAGINIAN ARMY

For the first time Carthaginians had seen the war elephants on Sicily during the war against Pyrrhus. After that they had made war elephants' divisions, which Carthaginians had being caught on the Atlas mountain foot. This threatening form of armament they had used during the conquering of Spain and against Romans during Punic wars. With their help Carthaginians had broken through the Roman formation in the Battle of Tunis in 256 BC, and Hannibal could carry them out over Rhone and Alps. To the end of the Second Punic War Carthaginians had depleted the resources of these beasts to their army, and it became one of the factors of Carthaginian war power weakening. The alive elephants were given to the Romans after capitulation in 201 BC.

1

2

3

Рис. 1. Изображения слонов:
1 - монета; 2 - статуэтка с клеткой; 3 - лампа с башней

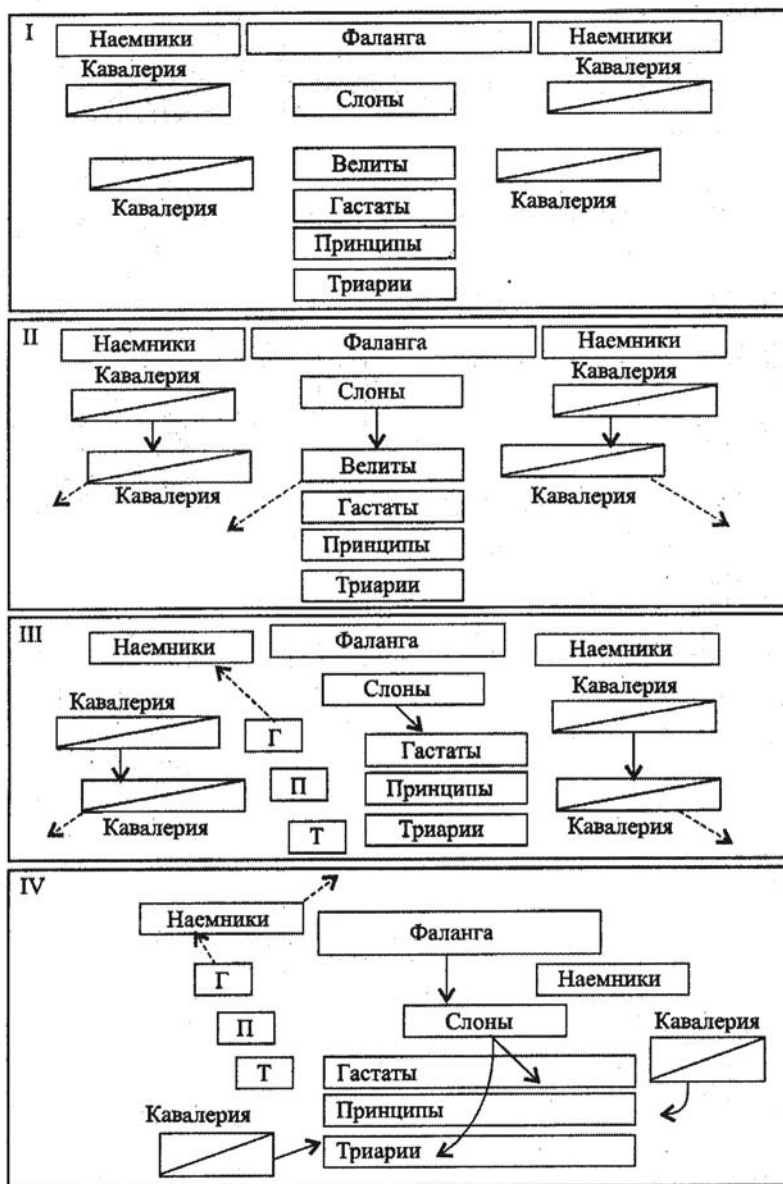

Рис. 2. Схема битвы при Тунете

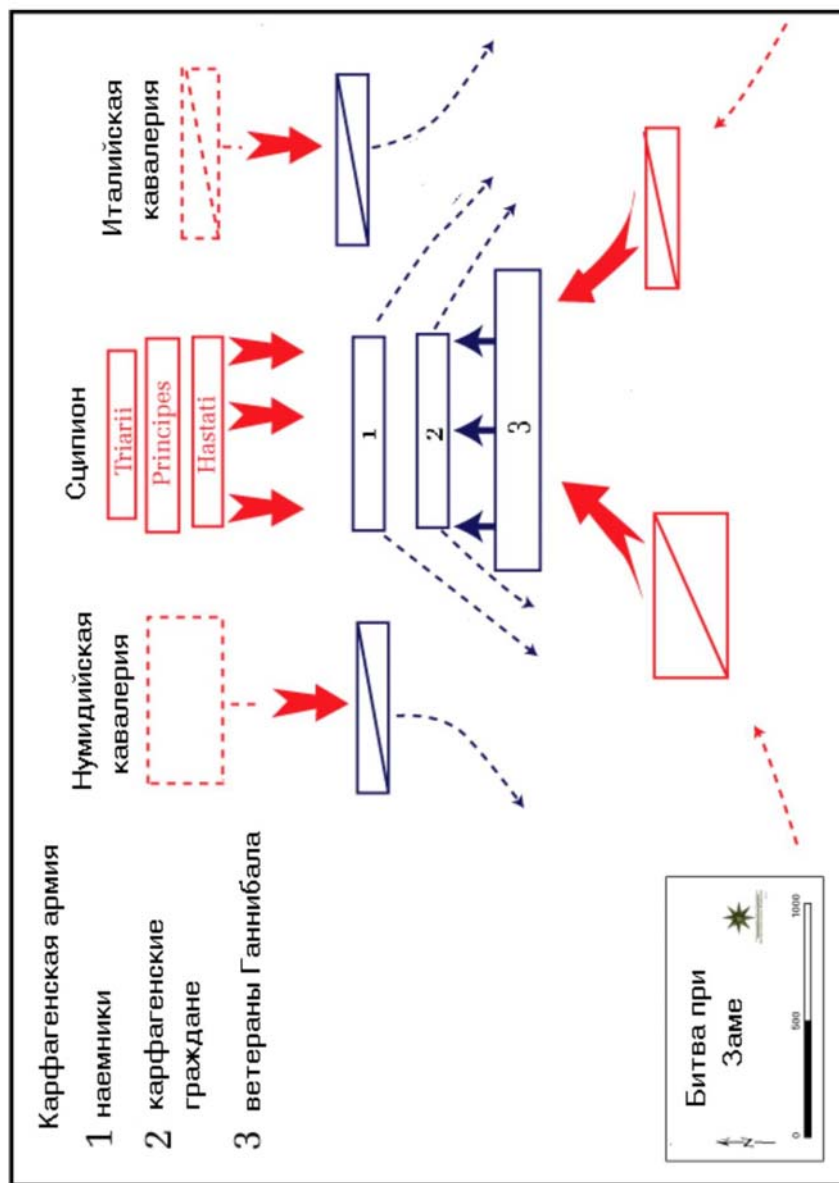

Рис. 3. Схема сражения при Заме